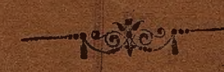
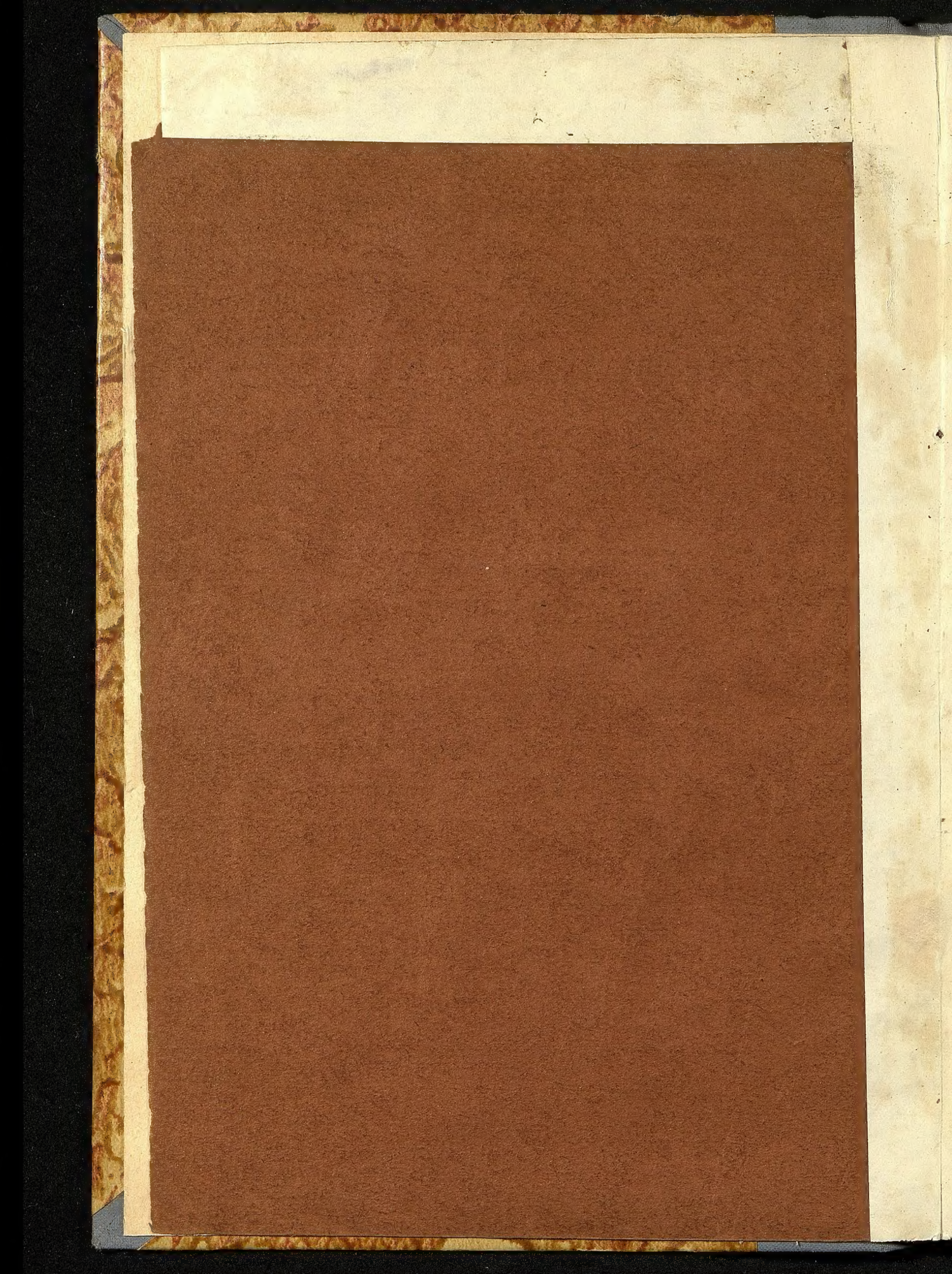
Д. Введенскій,
Профессоръ Императорской Моск. Дух. Академіи.

Кровь брата.

(Культура и жестокость. Библейская параллель).

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.
Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1915.

Д. Введенскiй,
Профессоръ Императорской Моск. Дух. Академiи.

Кровь брата.

(Культура и жестокость. Библейская параллель).

СЕРГIЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографiя Св.-Тр. Сергiевой Лавры.
1915.

Оттискъ изъ „Богословскаго Вѣстника“ № 12. 1914 г.

КРОВЬ БРАТА.

(Культура и жестокость. Библейская параллель. Быт. 410).

Казалось бы, что около крови человѣка — мѣсто одной только смерти. Но уже первоисторія народовъ закрѣпила въ сознаніи человѣчества мысль, что жизнь есть начало смерти, а смерть есть начало жизни [1]), что могутъ быть живые среди мертвецовъ и мертвые среди живыхъ. Такъ, въ Авелѣ мы видимъ перваго умершаго человѣка; но онъ-же первый навсегда и вышелъ изъ среды мертвецовъ.

Выдѣляя Авеля, въ числѣ немногихъ, изъ среды допотопнаго человѣчества, апостолъ Павелъ удивительно выразительными словами вводитъ его въ семью вѣчно живыхъ: Своею „вѣрою, замѣчаетъ онъ, Авель и по смерти говоритъ еще“... (Посл. къ Евр. 114).

Не грѣшникъ, а праведникъ былъ первымъ умершимъ и первымъ мученикомъ за праведность—и кровь его навсегда стала безмолвною, но слышною и доселѣ проповѣдью для тѣхъ, которые думаютъ, что смерть есть мрачный утесъ, замыкающій выходъ изъ долины жизни. У подножія этого утеса есть надежная тропа, ведущая къ вѣчной жизни. И практическая цѣнность этой знаменательной проповѣди въ исторіи допотопнаго человѣчества устанавливается не теоріею, а фактомъ. Это—проповѣдь, запечатлѣнная кровью!

И если мы видимъ въ средѣ допотопнаго человѣчества не одни только „безводныя облака“ и не одни только „безплодныя“ „исторгнутыя“ деревья, не однѣ только „пѣня-

---

[1]) J. Hastings, The creater men and women of the Bible. Edinbugh. Adam—Joseph.1913, p. 71.

щіяся своими срамотами волны", какъ характеризуетъ апостолъ Іуда (1_{11-13}) нечестивцевъ, вмѣстѣ съ допотопными каинитами, то это значитъ, что кровь Авеля не сокрылась въ его могильномъ холмѣ, но вышла изъ него и дошла до неба (Быт. 4_{10}). Свѣтлая жизнь Авеля оставила, такимъ образомъ, чрезъ кровь, вѣчно блещущую полосу свѣта, озарившаго основаніе небеснаго града, заложеннаго Богомъ въ душѣ человѣка для обитанія въ немъ Богочеловѣка.

По одному, довольно распространенному, суевѣрному представленію кровь невинно-убитаго остается несмываемымъ темнымъ пятномъ на предметахъ, на которые излилась она. Мы думаемъ, что суевѣріе питается въ данномъ случаѣ на счетъ опредѣленнаго историческаго факта. Начиная со дней Авеля ни одной капли праведной крови не кануло безслѣдно (Ев. Мѳ. 23_{35}) для міра. Въ ней навсегда произнесенъ судъ надъ нечестіемъ. Городъ человѣческій могъ строиться и шириться, но онъ не страшенъ былъ для града Божія, потому что изначала человѣческой исторіи установлено было, что пролитая кровь не есть признакъ смерти, что вѣра можетъ одинаково знаменоваться и подвигами живыхъ и смертью праведныхъ.

Одно талмудическое сказаніе передаетъ, что звѣри и птицы первые откликнулись на великую скорбь прародителей, такъ естественную при видѣ убитаго сына. Они зарыли, будто-бы, въ землю прахъ Авеля. [2]) Въ этомъ сказаніи вѣрно, несомнѣнно, одно. Не Каинъ погребалъ своего убитаго брата. Братоубійца же „пошелъ отъ лица Господня и поселился въ землю Нодъ... и построилъ городъ" (Быт. 4_{16-17}). Первый городъ человѣческій былъ построенъ, такимъ образомъ, какъ бы на крови брата. Такова, по Библіи, начальная исторія матеріальной культуры.

Блаженный Августинъ, внимательно отмѣчающій въ своемъ сочиненіи „о градѣ Божіемъ" отдѣльные моменты историческаго развитія градовъ Божія и человѣческаго и указывающій въ Каинѣ перваго основателя „земного града", „убившаго гражданина града вѣчнаго" [3]), говоритъ, что ма-

---

[2]) Midrasch r. 1 M. Abschn. 22. Hamburger, R.—Encyclopädie fur Bibel und Talmud. Abth. I. Strelitz. 1884. S. 501.

[3]) О градѣ Божіемъ. Твор. Ч. V. Кіевъ. 1882. Кн. 15, гл. V, стр. 72.

теріальная культура нерѣдко и послѣ Каина пятналась злодѣяніемъ, совершеннымъ когда-то Каиномъ. Такъ, онъ цитируетъ слова одного поэта, который говоритъ, что при основаніи Рима, когда Ромулъ убилъ Рема, „первыя стѣны его были обагрены братскою кровью“. Извѣстны и другія древнія сказанія объ основаніи городовъ, а иногда просто объ устроеніи мелочнаго личнаго благополучія на крови братьевъ [4]). Быть можетъ и нельзя считать твердо установленною связь всѣхъ древнихъ легендарныхъ сказаній о братоубійцахъ съ библейскимъ повѣствованіемъ объ убійствѣ Каиномъ Авеля. Но безъ всякихъ поясненій и доказательствъ можно признать, что за дверями рая, у преддверія матеріальной культуры, еще въ доисторическія времена, встали жестокость и братоненавистничество. И если бы блаж. Августинъ жилъ въ наши дни, то ему пришлось бы только сказать, что поразительные успѣхи матеріальной культуры XIX-го и начавшагося XX-го вѣка нисколько не сдвинули строителей града человѣческаго съ кроваваго пути Каина—и что жестокость, процвѣтавшая въ началѣ исторіи человѣчества, не отошла отъ этой культуры.

Каинъ крѣпкими цѣпями злобы приковалъ первую культуру къ городу, который онъ построилъ въ цѣляхъ самоограждения послѣ братоубійства, хотя, можно думать, и не тотчасъ послѣ него.

Умеръ первый строитель перваго города. Но воскресали и воскресали новые Каины, которые съ огнемъ и мечемъ, вплоть до нашихъ дней, искали и ищутъ братской крови.

Насъ не могутъ удивлять кровавые походы гунновъ, монголовъ... На кровавый пиръ приводила ихъ дикость. Но мы не можемъ не вспомнить Каина, когда станемъ говорить

---

[4]) Геродотъ разсказываетъ, напримѣръ, что фараонъ Рампсинитъ, замѣтивъ хищенія въ своей сокровищницѣ, поставилъ въ своей сокровищницѣ капканъ, чтобы изловить преступника. Одинъ изъ похитителей сокровищъ фараона попалъ въ капканъ. Другой похититель—братъ попавшагося отрубилъ послѣднему голову, чтобы скрыть слѣды преступленія. Геродотъ. II, 121. Ср. Патріархъ Іосифъ и Египетъ, проф. Д. И. Введенскій, стр. 259—260. Нѣкоторые изъ русскихъ богослововъ и въ этомъ легендарномъ сказаніи о Рампсинитѣ склонны видѣть намекъ на „связь между убійствомъ и основаніемъ“ городовъ. Ср., напр., А. Покровскій, Библейское ученіе о первобытной религіи. Сергіева Лавра. 1901. Стр. 349.

о тевтонахъ, слышавшихъ въ проповѣди Христовой голосъ Божій и проявляющихъ утонченную жестокость, выросшую подъ широко развѣвающимся знаменемъ матеріальной культуры.

Вѣра давно знаетъ, что изначальная исторія матеріальной культуры и каинитовъ, какъ первыхъ представителей ея, есть подлинная исторія о томъ, что „больше всего хотѣлось знать людямъ—о дѣтствѣ человѣческаго рода и о его первыхъ шагахъ". Сомнѣніе же, граничащее съ невѣріемъ, хотя и хочетъ видѣть въ библейскомъ повѣствованіи о начальной исторіи человѣчества примѣсь легенды [5]), однако и оно готово признать, что въ первыхъ главахъ кн. Бытія сохранилась историческая правда относительно первыхъ шаговъ по пути матеріальнаго культурнаго прогресса. Поэтому показанія Библіи относительно жестокости въ изначальной культурѣ могутъ быть составною частію общечеловѣческой исторіи.

И вотъ какими чертами рисуетъ бытописаніе Моисея общій ростъ матеріальной культуры въ допотопный періодъ. На грѣховной настроенности Каина стала самоутверждаться грѣховная плоть. Характеризуя каинитовъ, Іосифъ Флавій говоритъ, что „еще при жизни Адама потомки Каина были крайне преступны, такъ что, слѣдуя другъ за другомъ и подражая одинъ другому, они становились хуже и хуже, вели безпрерывныя войны и постоянно отправлялись на грабежи. Вообще же если тотъ или другой изъ нихъ не особенно охотно предавался убійствамъ, то выдѣлялся безумною наглостью, своеволіемъ и корыстолюбіемъ". [6]) Эта характеристика каинитовъ, данная іудейскимъ историкомъ, не расходится съ показаніями Библіи.

Въ семействѣ не слишкомъ отдаленнаго потомка Каина—Ламеха мы видимъ первыхъ представителей болѣе утонченной культуры. Каинъ только построилъ городъ, принудивъ, такимъ образомъ, по Іосифу Флавію, „близкихъ своихъ жить

---

[5]) Э. Ренанъ. Исторія Израильскаго народа. Перев. съ фр. подъ ред. Дубнова. С.-П. 1908, стр. 44. Ср. также J. Hastings, The creater, op. cit. p. 55.

[6]) Flavii Iosephi Opera. Ed. Niese. Berolini. Antiqu. Vol. I, I гл. II 2. Русск. перев. Генкеля, т. I, стр. 8.

въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ" [7]). Дѣти же Ламеха крѣпко привязали земной городъ „къ земнымъ радостямъ" [8]) и житейскимъ удобствамъ. Еще и до Ламеха Авель занимался скотоводствомъ, но сынъ Ламеха—Іавалъ сумѣлъ внести и въ кочевую жизнь номада нѣкоторыя удобства. Онъ завелъ шатры, укрывавшіе номада отъ зноя и непогоды. [9]) Другой сынъ Ламеха — Іувалъ какъ бы повысилъ требованія на жизнь: онъ изобрѣлъ музыкальныя инструменты. И разумѣется, не для похвалы изобрѣтателя упоминаетъ Бытописатель объ этомъ новомъ изобрѣтеніи [10]). Третій сынъ Ламеха—Тувалкаинъ также „переступилъ за предѣлы необходимаго" [11]): онъ сталъ ковать разныя орудія не только изъ желѣза, но и изъ мѣди (Быт. 4 20—22). Быть можетъ самымъ характернымъ признакомъ общей религіозно нравственной настроенности семьи Ламеха является наименованіе дочери этого допотопнаго, уже до извѣстной степени „культурнаго", каинита. Она была названа Ноемою (נַעֲמָה, LXX — *Νοεμά*), то есть, миловидною, граціозною, прелестною.

Св. Іоаннъ Златоустъ обращаетъ особое вниманіе на упоминаніе Бытописателя о дочери Ламеха. „Что это за странность и новость?!"—спрашиваетъ онъ—и продолжаетъ: „вотъ теперь Писаніе первый разъ упоминаетъ отдѣльно о женщинѣ. Не просто и не безъ причины поступилъ такъ божественный пророкъ" [12])... Дѣйствительно, упоминаніе Бытописателя о Ноемѣ имѣетъ опредѣленный историческій смыслъ. Приэтомъ можно не ставить вопроса о томъ, когда дочь Ламеха получила свое имя—при рожденіи, или уже по достиженіи возраста зрѣлости. Вѣроятно, это имя было дано ей при рожденіи—подобно тому, какъ Ева дала при рожденіи имя своему пер-

---

7) Ibid. Русск. пер. 7а.

8) Бл. Августинъ. О градѣ Божіемъ. Твор. ч. V. Op. cit., кн. 15, гл. XV, стр. 101.

9) Ср. Митроп. Филаретъ, Зап. на кн. Бытія. Москва. 1867; ч. I-я, стр. 95. Св. Ефремъ Сиринъ развиваетъ ту мысль, что Іавалъ услаждалъ на пиршествахъ мясомъ животныхъ каинитянокъ и сиѳитовъ, увлекшихся дочерями человѣческими, тогда какъ Іувалъ плѣнялъ сладкими звуками гуслей. Твор. Ч. VI. Москва. 1861. Стр. 363.

10) Митр. Филаретъ. Зап. на кн. Быт. Op. cit. Ч. I-я, стр. 95.

11) Ibid. стр. 96.

12) Твор. въ русск. перев. Т. IV, кн. 1-я. СП. 1898. Стр. 179. Бесѣда на кн. Быт. XX.

венцу—Каину (Быт. 4₁). Слѣдовательно, уже сами родители Ноемы взглянули на свое дитя—дѣвочку съ точки зрѣнія вкусовъ сладострастныхъ каинитовъ, каковые вкусы привиты были позднѣе и сиѳитамъ (Быт. 6₂).

Кажется, что прелестная Ноема исторически можетъ быть названа первою женщиною, соблазнившею мужчинъ своею физическою красотою. И нѣкоторые [13]) не безъ основанія предполагаютъ, что развратъ плоти и мысли благочестивыхъ нѣкогда сиѳитовъ начался съ плотской связи какого-либо потомка Сиѳа съ этою представительницею женской красоты изъ потомства Каина.

Такъ, ко времени Ламеха выросло многовѣтвистое дерево матеріальной культуры. Въ ней, въ опредѣленныхъ зачаткахъ, было дано все содержаніе и всей позднѣйшей культурѣ. Желѣзо и бронза какъ бы узаконили насиліе. Красота женщины произрастила похоть и сдѣлала ее незавидной привилегіей сыновъ вѣка сего... Допотопный Ламехъ могъ торжествовать надъ міромъ, уже опираясь на плоды культуры. И онъ торжествовалъ. Объ этомъ говоритъ слѣдующая пѣснь Ламеха, обращенная къ женамъ его:

Ада и Цилла!—
Послушайте голоса моего;
Жены Ламеховы!—
Внимайте словамъ моимъ:
Я убилъ мужа въ язву мнѣ
И отрока въ рану мнѣ.
Если за Каина отомстится всемеро,
То за Ламеха въ семьдесятъ разъ всемеро (Быт. 4₂₃—₂₄).

Эта пѣснь Ламеха, съ своеобразно-восторженнымъ изліяніемъ быстро смѣняющихся чувствъ, съ соблюденнымъ въ ней ритмомъ, съ стройнымъ повышеніемъ и пониженіемъ отдѣльныхъ частей и параллелизмами, указываетъ на безспорную и неоспариваемую древность [14]) ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ она доноситъ до насъ голосъ допотопнаго гордеца—Ламеха, оставившаго потомству кровавую пѣснь

[13]) F. Hummelauer, Commentarius in Genesim. Parisiis. 1895, p. 191 (Ser: Cursus Script. Sacrae auct. R. Cornely, I. Knabenbauer, Fr. de Hummelauer ab. Soc. J. presb.).

[14]) F. Hummelauer (Comment. in Genes. Op. cit. p. 191) даетъ сводъ сужденій (Ewald'a, Reuss'a и др.) о домоисеевскомъ происхожденіи этой пѣсни.

мечу и мести. Такихъ горделивыхъ заявленій сравнительно немного въ исторіи. Но не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что и многіе, современные намъ, тевтоны говорятъ въ тонъ съ допотопнымъ Ламехомъ, когда выражаютъ желаніе, чтобы „кровь ихъ враговъ лилась какъ дождь и головы ихъ сыпались, какъ снѣгъ" [15]). Это голосъ подлинныхъ дѣтей Каина и Ламеха.

Экзегеты уже давно анализируютъ содержаніе пѣсни Ламеха и долго еще будутъ дѣлать это. Общая конструкція его рѣчи даетъ возможность придавать ей различные оттѣнки. Нѣкоторые понимаютъ пѣснь Ламеха какъ признаніе его въ совершенномъ убійствѣ мужа и отрока и даже находятъ въ ней элементъ покаяннаго настроенія и именно въ томъ, что онъ самъ разсказываетъ о своемъ преступленіи, какъ бы каясь въ немъ [16]). Но горделивое самовозвышеніе Ламеха во второй

---

[15]) О жестокости отдѣльныхъ лицъ и варварскихъ народовъ знаетъ исторія. Но послѣдняя нерѣдко смягчаетъ свой суровый приговоръ о представителяхъ жестокости замѣчаніемъ объ ихъ дикости, некультурности. Это извиненіе едва ли можетъ быть сдѣлано для тевтонцевъ. Печать ежедневно говоритъ съ негодованіемъ о звѣрствахъ германцевъ и австрійцевъ. Но, кажется, самымъ выразительнымъ показателемъ настроенія ихъ служатъ „кровавыя мечты". Вотъ что сообщалось по этому поводу въ „Новомъ Времени" (№ 13865). Солдаты, отправляясь на войну, украшали вагоны воинственными надписями. Одна изъ нихъ гласитъ: „если русская кровь польется дождемъ и французскія головы посыплятся, какъ снѣгъ, то мы будемъ просить Бога, чтобы Онъ продлилъ намъ такую погоду". Съ этихъ надписей сняты снимки и они продаются въ видѣ открытокъ.

[16]) Въ основѣ такого истолкованія, котораго держатся, напримѣръ, Св. Іоаннъ Златоустъ (Твор. Op. cit. T. IV, кн. 1-я, стр. 180) и блаж. Θеодоритъ (Твор. въ русск. перев. Ч. I-я, изд. 2-е. Сергіева Лавра. 1905 г. Толков. на кн. Бытія. Вопр. 45, стр. 41) лежитъ, повидимому, какое то древнее преданіе о раскаяніи Ламеха. Повидимому, это преданіе жило и во времена Іосифа Флавія, такъ какъ онъ называетъ Ламеха, человѣкомъ, хорошо понимавшимъ требованія религіи. Онъ говоритъ объ этомъ: *ὁ Λάμεχος... τὰ θεῖα σαφῶς ἐξεπιστάμενος...* Flavii Iosephi Opera. Antiqu. Op. cit. Vol. I, I гл. II2. Св. Ефремъ Сиринъ. (Твор. Русск. пер. Op. cit. ч. VI-я, стр. 361—364) приводитъ различныя мнѣнія, которыя существовали къ его времени по вопросу о смыслѣ пѣсни Ламеха. Вотъ онѣ: по однимъ благочестивыя жены Ламеха заботились и о благочестіи мужа; но Ламехъ заявляетъ имъ, что онъ не сдѣлалъ ничего преступнаго: „развѣ я убилъ мужа, въ язву мнѣ"... Другіе толковали пѣснь Ламеха въ смыслѣ самосвидѣтельства его о злочестіи, которое выражалось въ

половинѣ пѣсни, гдѣ онъ цѣнитъ жизнь свою въ семьдесятъ разъ всемеро дороже жизни Каина, лишаетъ такое истолкованіе психологической обоснованности. Это—раскаяніе безъ смиренія. Подавляющее большинство экзегетовъ признаютъ Ла-

---

кощунственномъ издѣвательствѣ надъ судомъ Божіимъ, причемъ смыслъ словъ Ламеха представлялся въ такомъ видѣ: „если наказаніе Каину Богъ продлилъ до седьмого рода, то мнѣ, убившему двоихъ, продолжитъ еще болѣе, такъ что со мною должны погибнуть семьдесятъ родовъ, взятые семь разъ; мы умремъ и, вкусивши чашу смерти, избавимся отъ того наказанія, которое за меня будетъ простираться до седми кратно семидесятаго рода“. Третьи толковали пѣснь Ламеха въ смыслѣ признанія Ламеха въ убійствѣ Каина и одного изъ сыновей его, наиболѣе походившаго на отца, чтобы смыть позорное пятно, которое легло на все племя каинитовъ; послѣ этого какъ бы разрушена была преграда между поколѣніемъ Каина и Сиѳа. Ламехъ какъ бы говорилъ: „мужъ и юноша умерщвлены—украсьте теперь дочерей вашихъ для сыновей Сиѳовыхъ“... Такою хитростію Ламехъ привелъ, будто бы, къ смѣшенію оба рода, разсуждая при этомъ, что если Богъ умилосердится къ Сиѳову роду, то окажетъ милосердіе и каинитамъ... Слѣдовательно, по этому истолкованію Ламехъ хотѣлъ обмануть Бога. По нѣкоторымъ іудейскимъ сказаніямъ, на которыя указалъ митрополитъ **Филаретъ** (Зап. на кн. Быт., op. cit. ч. 1-я, стр. 96), ослабѣвшій глазами Ламехъ нечаянно убилъ встрѣтившагося ему Каина, котораго Тувалкаинъ—проводникъ отца принялъ за звѣря. После этого Ламехъ убилъ единственнаго свидѣтеля своего преступленія—собственнаго сына Тувалкаина. Такъ совершились убійства мужа и отрока. Психологическая невозможность истолкованія пѣсни Ламеха въ смыслѣ указанія на его раскаяніе очевидна. Всѣ же другія истолкованія пѣсни Ламеха придаютъ Ламеху характеръ жестокаго, хитраго гордеца, личность котораго дала поводъ для возникновенія различныхъ легендъ. Митрополитъ **Филаретъ** (ibid.) считаетъ Ламеха плотоугодникомъ и сластолюбцемъ, который самодовольно говоритъ, что онъ не былъ убійцей, а только многоженцемъ, который какъ бы такъ говоритъ своимъ женамъ: „Ада и Селла! жены Ламеховы! я знаю, что инымъ двоякое супружество мое кажется страннымъ... И меня сравниваютъ съ Каиномъ, какъ изобрѣтателя новаго преступленія: но вы не смущайтесь таковыми сужденіями и не опасайтесь ничего: послушайте словъ моихъ, вслушайтесь въ рѣчь мою: убилъ ли я человѣка какъ сдѣлалъ Каинъ, или отрока, чтобы можно было мстить мнѣ раною, или хотя ударомъ. Ибо если Каинъ братоубійца безопасенъ: то Ламехъ многоженецъ, конечно, еще безопаснѣе и проч.“ Но едва ли при общей духовной настроенности каинитовъ могли быть среди нихъ строгіе судьи поведенія Ламеха. Съ другой стороны, странно, что, сравнивая предполагаемую преступность многоженства съ преступленіемъ Каина, Ламехъ говоритъ не объ одномъ фактѣ братоубійства, а о какомъ то двойномъ убійствѣ (мужа и отрока). Ср. **Богородскій**, Начало исторіи міра и человѣка. Казань. 1906, стр. 330, пр. 1.

меха, на основанiи его пѣсни, первымъ полигамистомъ—многоженцемъ, самодовольно хвастающимся предъ своими женами физической силой. Открытiя Тувалкаина въ области металлургiи, быть можетъ, придали пѣсни Ламеха тотъ своеобразный колоритъ, за который Ленорманъ справедливо считаетъ ее проникнутой духомъ первобытной жестокости, такъ что ее удобно можно вложить и въ уста дикаря каменнаго вѣка, танцующаго около трупа своей жертвы [17]. Вопросъ только въ томъ, чѣмъ хвалится Ламехъ предъ своими женами—совершеннымъ ли убiйствомъ или только намѣренiемъ убить всякаго, кто станетъ на пути его стремленiй къ удовлетворенiю личныхъ житейскихъ потребностей. Очевидно, что такое или иное рѣшенiе этого вопроса не мѣняетъ существа дѣла. Совершающiй человѣкоубiйство и угрожающiй имъ—одинаково преступны, хотя и въ различной степени наказуемы. Впрочемъ, судя по общему наклону предпотопнаго человѣчества въ сторону чувственности, можно признать, что Ламехъ хвалится уже совершеннымъ убiйствомъ, которое завершило, можетъ быть, кровавую схватку семьи Ламеха съ какимъ-либо враждебнымъ ему родомъ [18]. Блаженный Августинъ, замѣчающiй, что человѣческiй градъ допотопнаго мiра былъ „охарактеризованъ“ чрезъ „представителей“, каковыми были „два убiйца—Каинъ и Ламехъ“ [19], рѣшительно признаетъ Ламеха человѣкоубiйцей.

И открытое признанiе Ламеха его женамъ въ совершенномъ имъ человѣкоубiйствѣ будетъ вполнѣ понятно, если мы обратимъ вниманiе на имена его женъ. Въ нихъ, какъ и во многихъ библейскихъ именахъ, мы имѣемъ своего рода закрытыя страницы общечеловѣческой исторiи, такъ какъ въ именахъ, даваемыхъ рождающимся, нерѣдко таятся пожеланiя самихъ имядателей. Ада (עָדָה отъ гл. עָדָה украшаться)—значитъ украшенiе [20], и Цилла (צִלָּה отъ צֵל) — тѣнь,

[17] Эти слова Lenormant'a повторяются въ Comment. in Genes. Hummelauer'a. Op. cit. p. 193.

[18] Это предположенiе дѣлаетъ проф. Богородскiй. Op. cit. стр. 329.

[19] О градѣ Божiемъ. Твор. Ч. V. Op. cit., кн. 15 гл. XXI, стр. 119.

[20] Ср. напр. выраж. „עֲדֵה־נָא גָאוֹן — укрась же себя величiемъ“... Iовъ 40₁₀; русск. Синод. пер. 40₅. Въ такомъ же значенiи עָדָע употребл. и въ другихъ мѣстахъ Свящ. Пис. Ср. König, Hebräisches und aramäisches Wörterb. zum A. Test. Leipzig. 1910. S. 314.

точнѣе сѣнь, прохлада [21]). Эти имена, какъ и имя дочери Ламеха, показываютъ, что вкусы каинитовъ при оцѣнкѣ женщины очень часто вращались въ области чувственныхъ пожеланій. Такая женщина, понимающая настроеніе цѣнителей ихъ красоты и дорожащая этой оцѣнкой, не остановитъ, конечно, руку убійцы, мстящаго врагу за цѣлость и честь своего рода и не откажетъ въ сочувствіи торжествующему надъ врагомъ мужу—убійцѣ, каковымъ и былъ, надо полагать, допотопный Ламехъ.

Такимъ образомъ и въ допотопной исторіи человѣчества мы видимъ то же самое, что позднѣе наблюдалось въ жизни другихъ народовъ, у которыхъ имена женщинъ не только выражали настроеніе мужчинъ, но и предопредѣляли, такъ сказать, и поведеніе женщинъ. Такъ, мы знаемъ, напримѣръ, что распущенность нравовъ египтянъ, болѣе чѣмъ за тысячелѣтіе до Р. Христова, свидѣтельствовалась такими эпитетами женщинъ: „прекрасная", „красавица", „сикомора", „любимица", „моя повелительница", „маленькая кошечка" [22]) и т. п.

Въ исторіи Каинитовъ открывается и внутренняя природа матеріальной культуры. Въ началѣ она является полезною союзницею человѣка въ его борьбѣ съ силами природы, а потомъ, выводя человѣка за предѣлы нужды, пріучаетъ его къ излишествамъ и, культивируя физическую силу, учитъ насилію и жестокости. Такова, по крайней мѣрѣ, была культура допотопнаго человѣчества, отъ ея начала и до конца. На послѣдней ступени ея было торжество силы и грубой чувственности.

„Когда люди начали умножаться на землѣ, и родились у нихъ дочери, тогда сыны Божіи, т.-е. потомки Сиѳа [23]), увидѣли дочерей человѣческихъ, что онѣ красивы, и брали ихъ себѣ въ жены... Въ то время были на землѣ исполины, особенно же съ того времени, когда сыны Божіи стали входить къ дочерямъ чело-

---

[21]) Имена „Ада" и „Цилла" сохранились и въ арабскомъ языкѣ въ формѣ „ghadâ" и „sálâ", „salaita". Ibid. S. 314, 387.

[22]) Д. Введенскій. Патріархъ Іосифъ и Египетъ, op. cit. стр. 197.

[23]) Блаженный Ѳеодоритъ называетъ „несмысленными" тѣхъ, кто подъ сынами Божіими разумѣетъ ангеловъ. Твор. въ русск. пер. Ч. I-я, op. cit. Вопр. 48, стр. 42.

вѣческимъ, и онѣ стали рождать имъ: это сильные, издревле славные, точнѣе (согласно значенію слова שֵׁם) извѣстные, выдвинувшіеся изъ общей среды [24]), люди. И увидѣлъ Господь, что велико развращеніе человѣковъ на землѣ, и что всѣ мысли и помышленія сердца ихъ были зло во всякое время“ (Быт. 6 1—2, 4—5). Таковъ былъ итогъ жизнедѣятельности худшей половины человѣческаго рода въ допотопный періодъ. Человѣкъ сталъ „плотью“ (Быт. 6 3). Онъ былъ таковымъ и всегда по своей физической природѣ. Но теперь онъ сталъ таковымъ и по своей этической природѣ.

Восторжествовала плоть—размножились, вмѣстѣ съ тѣмъ, и всегда бывшіе на землѣ исполины, которые, очевидно, при господствѣ силы, стали поглощать общее вниманіе проявленіемъ ея. Эти исполины (LXX *γίγαντες*; масор. הַנְּפִלִים) были тиранами [25]). Мысль ихъ не расходилась съ дѣлами. Они родились, жили и умирали только для себя [26]).

Исторія знаетъ о гигантахъ вообще: они были всегда. Такъ, блаж. Августинъ говоритъ, что въ Римѣ предъ опустошеніемъ его готами была женщина—гигантъ, которую приходили смотрѣть толпы народа, тогда какъ родители этой женщины не были гигантами. [27]) Библія также упоминаетъ объ исполинахъ. Ихъ видѣли, напримѣръ, въ землѣ Ханаанской посланные Моисеемъ соглядатаи, которымъ показалось даже, что они, посланцы, были саранчею въ сравненіе съ исполинами Ханаана (Числ. 13 34). Мы знаемъ о рефаимахъ, одинъ изъ которыхъ—Огъ, царь Вассанскій, имѣлъ желѣзный одръ длиною „въ девять локтей, а шириной въ

---

[24]) Ср. Богородскій, op. cit. стр. 343.

[25]) Слово גִּבֹּרִים (отъ גָּבַר быть, дѣлаться сильнымъ) опредѣляетъ гигантовъ именно какъ насильниковъ, тирановъ. H. Lesètre. T. „Geants“. Cp. Vigouroux, Dictionaire de la Bible. Paris. 1903. T. III, col. 137.

[26]) Ср. выраж. LXX *„καὶ ἐγεννῶσαν ἑαυτοῖς“* (Быт. 6 4). Блаженный Августинъ останавливаетъ особое вниманіе на этомъ выраженіи. *„И рождаху себѣ* (какъ и у насъ въ слав. перев.), говоритъ онъ, достаточно указываетъ, что сыны Божіи, прежде чѣмъ пали, рождали *Богу*, а *не себѣ*: т. е. не вслѣдствіе господства надъ ними половой страсти, а выполняя обязанности дѣторожденія, рождали не семью—предметъ собственной гордости, а граждан Града Божія“... Русск. пер., op. cit. кн. 15, гл. XXIII, стр. 124.

[27]) Ibid. стр. 123.

четыре мужескихъ локтя“ (Второз. 3 11). Голіаѳъ былъ шести локтей съ пядью (I Царств. 7 4). Но всѣ эти исполины выдѣляли только нѣкоторыя племена изъ среды другихъ, или же были единичными личностями, мало вліявшими на общій ходъ человѣческой исторіи [28]). Но въ допотопный періодъ они создали, повидимому, общее настроеніе и прекратили долготерпѣніе Божіе [29]), если Библія говоритъ о размноженіи ихъ.

Мрачная эпоха господства тирановъ въ изначальной исторіи человѣческаго рода оставила неизгладимый слѣдъ въ сознаніи народовъ. Преданія почти всѣхъ народовъ древняго міра знаютъ о какой-то исключительной эпохѣ господства великановъ на землѣ. И, быть можетъ, самое замѣчательное во всѣхъ этихъ преданіяхъ о великанахъ то, что происхожденіе ихъ часто ставится въ связь съ братоубійствомъ, являющимся первымъ грѣхомъ, пришедшимъ въ міръ [30]).

Человѣчество забыло или перепутало отдѣльные историческія имена, но оно хорошо удержало въ памяти фактъ исторической борьбы зла съ добромъ, фактъ насилія злыхъ надъ добрыми. Въ халдейскихъ сказаніяхъ не затерялось даже общее библейское опредѣленіе исполиновъ. Послѣдніе носятъ здѣсь названіе „gabru“ или „gibbor“, то-есть, тождественное съ библейскимъ „gibborim“ [31]). Въ этихъ же халдейскихъ сказаніяхъ, сохранившихся у Абидена [32]) и Бероза [33]), говорится, что „первые люди, сверхъ мѣры возгордившіеся своей силой и гигантскимъ ростомъ, стали презирать боговъ и считать себя выше ихъ“. И это преда-

---

[28]) Объ исполинахъ вообще см. у H. Lesètre, Vigouroux, Diction. T. III, op. cit. col. 135—138.

[29]) Ср. митроп. Филаретъ, Зап. на кн. Быт. Op. cit. Ч. I-я, стр. 110.

[30]) H. Lüken. Die Traditionen des Menschengeschlechts. Münster. 1856. S. 148, 150, 165.

[31]) Различіе отъ библейскаго повѣствованія заключается только въ томъ, что халдейское сказаніе относитъ гигантовъ ко временамъ послѣпотопнымъ. Vigouroux, La Bible et les decouvertes modernes en Palestine, en Égypte et en Assyrie. T. I. Paris. 6-e edit. 1896, p. 297. Ср. H. Lesètre, Vigouroux, Diction. T. III, op. cit. col. 137.

[32]) Vigouroux, La Bible... op. cit. p. 297.

[33]) Fr. Lenormant, Histoire ancienne de l'Orient. 9-e edit. T. I. Paris. 1881, p. 49.

ніе о первобытныхъ великанахъ и объ ихъ жестокости и возстаніи противъ неба обще арійцамъ, семитамъ и кушитамъ [34]).

Иногда эти изначальныя преданія о начальной исторіи человѣчества перемѣшиваются и сливаются съ натуралистическими миѳами, изображающими борьбу силъ природы. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ миѳологическихъ сказаніяхъ о борьбѣ титановъ съ богами [35]) увѣковѣчены, можетъ быть, какіе-либо катастрофы, происшедшія отъ дѣйствія вулкановъ. А одна изъ такихъ катастрофъ имѣла, дѣйствительно, мѣсто въ очень древнія времена, когда, начиная отъ Франціи до береговъ Сиріи, произошли страшныя превращенія на поверхности земли, появились новые острова изъ кипящихъ водъ Егейскаго моря, открылись новые кратеры вулкановъ—и человѣчеству могло показаться тогда, что въ этой борьбѣ стихій и какъ бы въ конвульсивныхъ содроганіяхъ природы принимаютъ участіе исполины и боги [36]). Но и въ эти натуралистическія и космогоническія представленія вошелъ историческій элементъ, доносящій человѣку изъ глубочайшей древности преданія о самомъ же человѣкѣ, потому что во всѣхъ этихъ миѳахъ вложена опредѣленная изначальная идея божественнаго наказанія людей за проявленіе ими насилія и жестокости. Не говоримъ уже о томъ, что проницательные миѳологи [37]) съ рѣшительностью указываютъ и въ натуралистическихъ миѳахъ кромѣ общей идеи опредѣленные частные элементы, которые, въ свою очередь, показываютъ, что космогоническія антропоморфныя представленія [38]) вплетались въ дѣйствительную исторію человѣческаго рода. И не удивительно, что іудейскій историкъ Іосифъ Флавій, говоря о допотопныхъ исполинахъ, вспоминаетъ гигантовъ греческой миѳологіи [39]).

---

[34]) Ibid. p. 50.

[35]) Такое сказаніе имѣется, напримѣръ, у Гезіода. Ibid. p. 53.

[36]) Ibid.

[37]) Подробное замѣчаніе объ этомъ см. у Lenormant'a, Ibid. p. 53 etc.

[38]) Пластическое изображеніе миѳа о битвѣ боговъ и гигантовъ имѣется на одной амфорѣ, относимой нѣкоторыми къ вѣку Александра Македонскаго и находящейся въ Луврскомъ музеѣ. Гиганты изображены здѣсь исполинами съ дубинами, луками, камнями и зажженными факелами. Изобр. см. у Lenormant'a. Ibid. p. 52—53.

[39]) Flavii Iosephi, op. cit. Vol. I, I гл. III I. Русск. перев. стр. 10.

На фонѣ общихъ представленій о нечестіи допотопныхъ людей съ опредѣленностью вырисовываются въ народныхъ преданіяхъ и отдѣльныя историческія лица, въ которыхъ можно угадать библейскихъ Каина, Авеля, Тувалкаина [40]). Такъ у вавилонянъ, персовъ, финикійцевъ, египтянъ, индійцевъ, китайцевъ, народовъ Европы, Америки и островитянъ говорится о двухъ сыновьяхъ первыхъ людей,—о зломъ и добромъ. Имя Тувалкаина созвучно съ Вулканомъ римлянъ. Знаютъ, повидимому, преданія народовъ и Еноха [41])—эту яркую звѣзду допотопной патріархальной исторіи. У вавилонскаго жреца Бероза въ числѣ первыхъ царей вавилонскихъ упоминается Едоранхъ [42]). Этотъ царь, изъ числа допотопныхъ царей, угождалъ богамъ и находился въ общеніи съ ними, почему ассиріологи и сопоставляютъ его съ библейскимъ Енохомъ.

Такъ, народамъ древности хорошо памятны первые плоды матеріальной культуры, убившей въ человѣкѣ духъ. Знаютъ, какъ видно, эти преданія и о томъ, что на общемъ мрачномъ фонѣ доисторической жизни были и отрадные просвѣты, о чемъ такъ выразительно говоритъ Библія, сохранившая намъ имя перваго мученика Авеля и имя перваго праведника Еноха, который хожденіемъ предъ Богомъ (Быт. 5_{22}) расторгнулъ узы смерти и показалъ личнымъ безсмертіемъ, что

---

[40]) Lüken. Op. cit. S. 148—164. Lenormant утверждаетъ, что библейское сказаніе о построеніи Каиномъ города послѣ убійства Авеля увѣковѣчено въ миѳологіи Вавилонянъ, гдѣ третій мѣсяцъ „Sivan"—мѣсяцъ кирпичныхъ построекъ имѣетъ своимъ знакомъ *близнецовъ*, чѣмъ, думаетъ онъ, и дѣлается намекъ на построеніе перваго города Каиномъ. Впрочемъ, Всев. Миллеръ, приводящій на справку указанное замѣчаніе Ленормана, говоритъ, что близнецы индо-европейскихъ народовъ обозначаютъ солнце и мѣсяцъ, почему данное замѣчаніе Ленормана онъ считаетъ еще недостаточно доказаннымъ. Всев. Миллеръ. Очерки Арійской миѳологіи въ связи съ древнѣйшей культурой. Т. 1. Асвины-Діоскуры. Москва. 1876. Стр. 346—348.

[41]) Lüken, op. cip. S. 162—163.

[42]) Въ варіантахъ: *Ευεδωραχος, Ευεδωρεσχος*. Вавил.—Enmeduranki. Gressmann, Altorient. Texte und Bilder. z. A. Test. Tübingen, 1909. B. I. Texte. S. 39. Schrader, Die Keilinschriften und. d. A. Test. 3 Aufl. Berlin. 1903. S. 370, 405. Jeremias, Das A. Test. im Lichte d. Alt. Orients, 2-te Aufl. Leipzig. 1906, S. 222.

смерть для мужа вѣры (Евр. 11₅) не можетъ разорвать единства земной и небесной жизни [43]).

Человѣчество и въ наши дни не перестаетъ идти впередъ по пути культурнаго прогресса и, несмотря на внушительные уроки прошлаго, желаетъ крѣпкими цѣпями культуры приковать себя только къ землѣ, какъ во дни Каинитовъ. Кровь брата не страшитъ его...

Римскій историкъ Тацитъ сохранилъ для насъ одну интересную подробность.

Римскіе легіоны въ дни Тиверія вели борьбу съ германцами. Германцы были разбиты. Обходя мѣсто битвы, побѣдители нашли на мѣстѣ недавняго сраженія цѣпи, которыя враги принесли для того, чтобы заковать въ нихъ римлянъ [44]).

И снова тѣ же германцы несутъ своимъ врагамъ цѣпи. Но они выкованы теперь уже не молотомъ, а культурою, въ которой снова проснулась жестокость допотопныхъ насильниковъ. Интересна также характеристика германцевъ, данная римскимъ полководцемъ Германикомъ. Собравъ воиновъ предъ самою битвою съ послѣдними, онъ сказалъ: „въ счастьи германцы не помнятъ ни о божественномъ, ни о человѣческомъ правѣ" [45]). И тотъ же Германикъ сказалъ послѣ пораженія германцевъ: „только въ истребленіи этого народа конецъ войны" [46]).

И снова, ввиду переживаемыхъ событій, невольно вспоминаются намъ допотопные библейскіе исполины и жесткія, быть можетъ, но такъ внушительныя слова Германика о германцахъ. Германцы сами подводятъ себя подъ безпристрастный судъ исторіи.

Много жертвъ приноситъ Русскій народъ вмѣстѣ съ своими союзниками, много гибнетъ и враговъ. Но если первыхъ двигаетъ къ смерти жажда жизни и послѣ смерти, то большинство вторыхъ идетъ на смерть ради желанія господствовать надъ миромъ, хотя бы и цѣною крови брата.

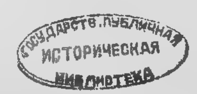
---

43) J. Hastings. The creater... op. cit. p. 71.

44) Корнелій Тацитъ. Сочиненія перев. съ лат. А. Клеванова. Москва. 1870 г. Кн. II 18; стр. 57.

45) Ibid. Кн. II 14; стр. 56.

46) Idib. Кн. II 21; стр. 59.

Но кровь неповиннаго брата не исчезаетъ, какъ не исчезла и кровь Авеля.

Исторія, какъ безпристрастный судья, запишетъ всѣ дѣянія человѣка, всѣхъ пролившихъ кровь свою, но только крови брата не забудетъ она никогда, какъ не забыла она и крови Авеля.

Димитрій Введенскій.

Книги и брошюры того же автора:

Патріархъ Іосифъ и Египетъ. Опытъ соглашенія данныхъ Библіи и Египтологіи. 1914 г. Ц. 3 р. 50 к.

Ученіе Ветхаго Завѣта о грѣхѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Библейское повѣствованіе о потопѣ въ его отношеніи къ даннымъ геологіи и преданіямъ народовъ. Ц. 30 к.

Блуждающая гипотеза. (Къ вопросу о Панвавилонизмѣ). Ц. 20 к.

Сокровища ветхозавѣтнаго Храма. (По поводу толковъ печати о поискахъ сокровищъ въ подземельяхъ мечети Омара). Ц. 20 к.

Авраамъ и Сарра въ странѣ фараоновъ. 1914. Ц. 25 к.

Страданія человѣчества. Ц. 35 к.

Забытая исторія патріаршей ставропигіи (Крестомаровская пустынь). Ц. 20 к.

Тайна смерти малютокъ. Ц. 10 к.

За счастіе дѣтей. Вып. 1-й. Ц. 1 р.

" " " Вып. 2-й. Ц. 1 р.

Изданіе Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сvнодѣ.

Материнство (въ защиту нравственной личности женщины). Ц. 35 к.

Ц. 25 к.

